

ФІЛОСОФІЯ

УДК 316.334.23

Пронякин В. И.

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии,
Днепропетровского национального университета
имени Олеся Гончара (Днепропетровск, Украина),
E-mail: ulysses1967@gmail.com

К ОЦЕНКЕ ИНТЕРПРЕТАТИВНЫХ ПЕРСПЕКТИВ НЕЛИНЕЙНЫХ ДИСКУРСОВ

Аннотация. Проводится компаративный анализ конститутивных возможностей, содержащихся в интерпретативных средствах трансцендентальной прагматики и деконструктивизма.

Ключевые слова: интерпретация, неевклидова рефлексивность, нелинейный дискурс, коммуникативизм, деконструктивизм.

Одной из доминантных черт современной философии является ее отчетливо выраженная антропологическая ориентация. От конца XIX и на протяжении всего XX века эволюционная поступь антропологически настроенной мысли сопровождалась всплесками доктринальных артикуляций, многие из которых составили вполне самостоятельные, концептуально завершенные артефакты духовной онтологии; парадигмальный статус подобного рода артикуляций естественен и очевиден.

И действительно, в своем процессуальном измерении современный антропологический дискурс воплотился в диковинной череде метафизических инверсий и метаморфозаций. Возникали и самоутверждались – как в порядке «друг за другом», так и в «режиме» календарной и ментальной «одновременности» – влиятельные, культурно-исторически значимые персоналии, философские школы, учения, течения... Экзистенциально «нагруженный» символизм ницшеанства и российского метафизического ренессанса (т. наз. «Серебряный век»); проникновенный мировоззренческо-методологический синтез знания и понимания в Баденской школе неокантианства; семиотически конституированная антропология прагматизма; проникнутые идеей вселенского гуманизма религиозная антропология М. Шелера и эволюционизм П. Тейяра де Шардена; «человековедческий» универсализм интегративных интенций многочисленных школ психоанализа, феноменологии, философской герменевтики; напряженная сосредоточенность смысложизненных исканий всех без исключения разновидностей экзистенциальной мысли... Парадигмальная означенность последних десятилетий века минувшего и первых лет наступившего века, уже проходящего стадию поисков метафизической самоидентификации, была представлена мировоззренчески и методологически знаковой альтернативой между постструктурализмом и коммуникативизмом. И мировоззренчески, и методологически первый базировался на радикальном преодолении традиции, в т. ч. и антропологической, второй – на бережном отношении к традиции с учетом характера трансформаций её смыслодержущего состава и основополагающих установок. Теперь, когда философским самосознанием пройден, наконец, пресловутый «рубеж» столетий, встает судьбоносный (для настоящего и будущего философии) вопрос: когда следует ожидать возникновения какой-либо концепции (или «хотя бы» идеи) антропологической направленности, «равноценной» (по своей культурно-исторической значимости) предшествующим? И на каком фундаменте возможно построение такого рода концепции?

Есть основания предполагать, что перспектива антропологии будущего открывается в «метафизическом опыте» коммуникативизма, творчески преобразовавшего наследие средствами его всесторонней семиотической метаморфизации. Известно, что начиная с периода, когда сформировалась рефлексия философской антропологии (её можно, по ряду оснований, начинать от Канта), в европейской философии рефлексивность (метафизическое основание дискурса) обрела трансцендентально-антропологический статус. Пройдя ряд семиотических трансформаций (одна из которых осуществилась на пути от Канта «через» Пирса к Апелю и Хабермасу), рефлексивность актуализировалась в статусном модусе трансцендентальной прагматики, получившей всестороннюю разработку именно в коммуникативной философии.

Коль скоро свою доминантную статусность рефлексия философского антропологизма обрела в результате инверсий её семиотического состава, есть все основания предполагать, что конститутивные возможности философии будущего зависят от креативного потенциала «накопленных» интерпретативных ресурсов. Попробуем оценить этот потенциал, отправляясь «от достигнутого».

Как было отмечено выше, современная философия концептуализировала свои рефлексивные артефакты на семиотическом поле культурно-онтологической бифуркации, образованной парадигмальной контроверзой между модерном (который, согласно «вопрошающей номинации» Ю. Хабермаса, представляет собой своеобразную *ретроперспективную* модель «незавершенного проекта», успешно обрабатываемую конститутивными средствами коммуникативизма) и постмодерном (конкретно – постструктурализмом, вознамерившемся, посредством тотальной, можно сказать, «обвальной», семиотической деконструкции смыслового состава традиционных онтологий, расчистить путь для «чисто» *перспективной*, без «оглядки» на «обесценившееся» прошлое, метафизической модели мировидения).

Для аутентичного понимания семиотической гетерогенности, образованной метафизическим «стыком» коммуникативизма и деконструктивизма, необходимы адекватные рефлексивные средства, позволяющие осваивать полисемантические, антиномичные, амбивалентные предметно-содержательные мыслительные артефакты. Отметим в данной связи, что в последние десятилетия (на рубеже прошедшего и наступившего веков) отечественными философами (И. В. Бычко, В. Г. Табачковский и др.) активно обрабатывались дискурсивные практики, осваивающие семиотические пространства интерпретативными средствами *неевклидовой рефлексивности*; концептуально и доктринально означенные практики обращены в проекцию семиотически полиморфных, *нелинейных, открытых в бесконечную интерпретативную перспективу, онтологий* [см.: 1; 3]¹.

Полиморфизмом отличается и предметная сторона таких онтологий. В них органично сопрягаются основные уровни бытия: телесный (вещественный), исторический (выраженный в смене событий и качеств), конститутивный (творческий, субъективный), социальный (интерсубъективный, осуществляющийся как *со-бытие*). Субстанциально-деятельную, мотивационную («двигательную») и организующую функцию выполняет здесь *трансцендентальная субъективность* – в ней обретает полноту, завершенность иерархия бытия, она является *действенным субъектом метафизического опыта*. Именно трансцендентальность, как

1 Можно указать на некоторые фундаментальные параметры такой рефлексии: разомкнутость, развернутость (даже развер[з]нутость) ее смыслового горизонта, открытого в интерпретативную бесконечность; символизм мировидения; дискретность (нелинейность, многовекторность) интенциональных ориентаций мышления; полисемантизм семиотики; смысловой полиморфизм... По определению В. Табачковского, видеть мир в неевклидовой рефлексивной проекции – значит воспринимать мир «через його мінливість і часто карколомну амбивалентність» [3, с.10]. Именно здесь, на наш взгляд, формируются условия как «конфликтов», так и безграничных возможностей интерпретации как способа идентификации в традиции.

характерное свойство субъективности, гарантирует ей (субъективности) свободу смылосозидания, т. к. «санкционирует» легитимность интерпретативного приоритета прагматики в дискурсивных практиках семиотических реконструкций.

Конститутивная продуктивность интерпретативных средств неевклидовой рефлексивности проявляется с особенной очевидностью, если их применить в отношении исследования содержательно гетерогенных культурных феноменов, к каковым, вне всякого сомнения, относятся как коммуникативизм, так и деконструктивизм. Анализ семиотически многозначного содержания подобного рода феноменов, «размещенных» в смысловом поле «неевклидовой» рефлексии, наиболее перспективен, если использовать креативные средства «трансконтекстуального» интеркультурного дискурса; последний аутентичен доминирующей модальности нынешних рецептивных приоритетов (имеется в виду стремление современных философов осваивать исследуемую предметность, погружая ее в плюралистический, «мультиверсумный» культурно-онтологический континуум); к тому же он успешно корреспондирует с имманентной семиотикой неоклассических и постнеклассических концептуальных построений: последние отличаются практически неохватным спектром несоотносимых, по «нормам» *common sense*, знаковых смылосочетаний.

Не менее важным выглядит значение неевклидовой рефлексивности в раскрытии и оценке философских учений в их отношении к традиции. Это отношение может осуществляться посредством непреднамеренно-немотивированной сублимации генезисно актуализированных артефактов метафизического опыта, когда преемственная связь философских идей, развертывающаяся в парадигмальных стадиях эволюционных метаморфизаций, реализуется посредством снятия («спрямления» нелинейности) семиотических бифуркационных разграничений, вкрапленных в непрерывно-поступательное *дление* традиции. Существенно, что и сам феномен неевклидовой рефлексивности культурно-онтологически укоренён в особенностях парадигмально-преемственного исторического хода философской мысли. Уместно в связи с этим напомнить, что неевклидову рефлексивность «поставил» в европейскую культуру именно модерн. А именно: *убесконечность* рефлексивных возможностей для европейского мышления «организовали» «классики неклассической философии», немецкие романтики. Именно они открыли безграничность интерпретативных перспектив – и не только в том смысле, что указали на принципиальное отсутствие какого-то изначально «заданного» предела для интерпретаций, а и в том, что установили «процедурный» факт: продвигаясь в каком-либо направлении дискурса, никогда не возвратишься в исходную точку. Иначе говоря, пространство дискурса раздвигается, «нелинейно», «*стереолексично*» размыкается в бесконечность. Романтическая ирония и романтическая герменевтика оказались, в результате, универсальными методологическими и инструментальными средствами, обеспечив, в целях интерпретации, легитимность «контроля» семантики прагматикой. Вместе с тем, этот контроль (у романтиков) осуществляется не в порядке *произвола*, а в жестких концептуальных рамках, по системным правилам – как *рефлексивный* самоконтроль (может быть даже – самоцензура) интерпретатора, *осознающего* власть Высшей Силы – воли Языка.

Метаморфизированная в ходе семиотических преобразований, трансцендентально-антропологическая рефлексия «сохранила» методологический приоритет прагматики, но в коммуникативной философии она также выполняет роль конститутивного средства, размыкающего интенциональный горизонт миропредставления в такую нелинейную проекцию неевклидовой перспективы, в которой смысловой состав этого миропредставления *дополняется* этическим и аксиологическим содержанием. В конститутивном процессе трансцендентальной прагматика вычленяет особый нормативный срез, который имеет универсальное значение и в котором оказываются коррелятивно сопряженными те семиотические кон-

станты (интерсубъективные, практически-нормативные, ценностные), которые в философии «классического» модерна традиционно было принято отграничивать друг от друга.

Надо также иметь в виду, что и в постмодерне есть своя доктринальность, «приглашающая» к игре, «вовлекающая» в игру; в противоположность «серьезным» концептуальным программам эта доктринальность продуцирована инфантильной мировоззренческой «природой»; комплекс метафизической неполноценности порожден здесь удручающим осознанием невозможности (и неспособности) одномоментно-всеохватно осмыслить мир как целое и как сущее; к тому же, «организуя» дискурс в «беспорядочном», полицентричном пространстве, ориентируясь на немотивированно-ненормативный «стиль», производя и ретранслируя симулякры, необходимо постоянно «держат в уме», что участвуешь в грандиозном «шоу». Короче, та буффонная диффамация культуры, которую учинил – в поистине планетарном масштабе – постмодерн, есть сама симулякр, изящно стилизованная и утонченно проведенная мистификация, семиотическая голограмма, стереолексическая метафора, убесконечно развернутая в зияющую бездну интерпретативного пространства «мультиверсума». – Представив суть дела таким образом, можно «разгрузить» свою «когнитивную совесть», освободившись от тягостного бремени «всемирной» ответственности за строгость стиля и опрятность дискурса.

Необходимо, однако, иметь в виду, что отношение к традиции может актуализироваться и непосредственным образом, средствами исторической саморефлексии философии. Нет необходимости напоминать, что философия интересуется своей историей не из антикварного любопытства, а в целях самопознания: посредством исторической рефлексии философия предполагает постичь и освоить свою собственную сущность, и потому реконструкция исторических путей философии есть удобный и надежный путь, ведущий к такому освоению.

Размышляя в данном плане о постструктурализме, следует, пожалуй, признать, что в известном смысле он «наследует» «неевклидовый» рефлексивный интерпретативный проект. Вот что говорил, например, о Ницше патриарх постструктурализма Мишель Фуко. Проводя интерпретативную компаративистику (сопоставляя Ницше, Маркса и Фрейда), Фуко подчеркивал, что XIX век, и прежде всего Ницше, Маркс и Фрейд открыли новую возможность интерпретации. Такие работы, как «Рождение трагедии...» или «Генеалогия морали», первая книга «Капитала», «Толкование сновидений», ставят нас перед лицом техник интерпретации. Эти техники интерпретации, рассуждал Фуко, касаются нас самих, поскольку теперь мы, как интерпретаторы, с помощью этих техник стали интерпретировать себя самих. Но с помощью этих же техник следует теперь понимать и самих Ницше, Маркса и Фрейда как интерпретаторов, и таким образом мы взаимно отображаемся в бесконечной игре зеркал. Начиная с XIX века изменилось пространство интерпретации, точнее – размещение знаков в пространстве, гораздо более дифференцированном с точки зрения глубины – если глубину понимать не как нечто внутреннее, а, наоборот, как внешнее. По мнению Фуко, «устройство» пространства, например, у Ницше – бинарное, если оценивать его с точки зрения направленности интерпретационных интенций. Так, движение интерпретации – это своего рода возвышение, стремление вверх, оно делает расстилающуюся под ним глубину все более и более видимой. Глубина теперь предстает исключительно как тайна поверхности, и, следовательно, восхождение, вертикальность, столь важная в «Заратустре» – есть, по сути, реверсия глубины, открытие того, что она есть не что иное, как игра или складка поверхности [см.: 4].

Что же можно сказать об идентификационных приоритетах постструктурализма (здесь: деконструктивизма) по отношению к традиции? Неоспорим тот факт, что, например, Ж. Деррида, основатель и общепризнанный лидер этого концепту-

ального проекту, уверенно и успешно продвигался в пространствах гетерогенных, амбивалентных, бинарно-антиномичных семиотических «полей»; неоспорима также и его широкая и фундаментальная эрудиция в области истории философии. То же можно сказать и относительно большинства других «знаковых» персонажей деконструктивистского крыла постмодернизма. Тем не менее, и в предметном, и в историческом «срезах», деконструктивистский дискурс актуализируется в режиме семиотической «поверхности», в этом дискурсе отсутствует смысловая «объемность», т. е. то, что можно было бы назвать «стереолексичностью»; если синтаксическая сторона деконструктивистского текста вполне аутентична, то в семантико-прагматическом аспекте – это касается и содержания рефлексии, и в особенности – интерпретативной деятельности в преемственной области – деконструктивизм *последовательно рецептивен*. Поверхностное, «плоскостное» мышление, конечно, открыто деконструкции, но в его границах недостижима, говоря словами того же Фуко, «реверсия глубины». Можно сказать и так: «неевклидовость» рефлексивного проекта, предложенного постструктурализмом, ограничена, т. к. заключена в *плоскостных*, горизонтально-замкнутых семиотических параметрах; в пределах такого проекта, в котором семантико-прагматическая сторона семиотики принципиально-преднамеренно редуцирована, – «автоматически», «по умолчанию», элиминируется диалогическая (сущностная!) аспектность языка.

Выводы. Если теперь, исходя из установочных приоритетов трансцендентальной прагматики, попытаться оценить интерпретативный потенциал синтаксической модели деконструктивистского дискурса, то станет ясно, что, несмотря на ее конструктивную «неевклидовость», дискретная «обустроенность» смыслового состава, актуализированного в такого рода дискурсе, исключает возможность имплантировать этот состав в семиотически полиморфное интерпретативное пространство. Если же означивать деконструктивизм по «гамбургскому» счету, то его явленность в современном дискурсивном пространстве следует разуметь как нарциссический рецептивный сублимат неидентифицированности в философской классике [см.: 2].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Бичко І. Ф. Ніцше: Онтологія нелінійності / І. Бичко // Філософсько-антропологічні студії '2005. Філософія Ф. Ніцше і сучасність (До 160-річчя від дня народження). – К., 2005. – С. 39-69.
2. Евтушенко Р. А. Семиотический проект современного трансцендентализма в смысловом пространстве неевклидовой рефлексивности / Р. А. Евтушенко, В. И. Пронякин // Філософія і політологія в контексті сучасної культури. Науковий журнал. Видавництво Дніпропетровського національного університету. ДНУ, 2011. – Вип. 2. – С. 168-181.
3. Табачковський В. Ф. Ніцше: «Неевклідова рефлексивність» / В. Ф. Табачковський // Філософсько-антропологічні студії '2005. Філософія Ф. Ніцше і сучасність (До 160-річчя від дня народження). – К., 2005. – С. 3-16.
4. Фуко М. Ніцше, Маркс Фрейд [Електронний ресурс] / М. Фуко // Режим доступа: philosophy.ru/library/foucault/nic.html

REFERENCES:

1. Bychko, I.F. (2005) 'Ontologiya neliniynosti' [Ontology of nonlinearity], in *Filosofsko-antropologichni studiyi '2005. Filosofiya F. Nitsshe i suchasnist (Do 160-richchia vid dnia narodzhennia)* [Philosophical and anthropological studies '2005. The philosophy of Friedrich Nietzsche and modernity (To 160 anniversary of his birth)], Kyiv, pp. 39-69.
2. Yevtushenko, R.A. & Proniakin, V.I. (2011) 'Semioticheskiy proekt sovremennogo transtsendentalizma v smyslovom prostranstve neevklodovoy refleksivnosti' [Semiotic project of modern transcendentalism in a sense of non-Euclidean space of reflexivity], *Filosofiya i politologiya v konteksti suchasnoyi kultury. Naukovy zhurnal* [Philosophy and political science in the context of contemporary culture. Scientific journal], Dnipropetrovsk national university Publ., Vyp. 2, pp. 168-181.
3. Tabachkovskiy, V.F. (2005) 'Nitsshe: «Neevklidova refleksyvnist»' [Nietzsche: «non-

Euclidean reflexivity»], in *Filosofsko-antropologichni stydyi'2005. Filofofiya F. Nitsshe i suchasnist (Do 160-richchia vid dnia narodzhennia) [Philosophical and anthropological studies' 2005. The philosophy of Friedrich Nietzsche and modernity (To 160 anniversary of his birth)]*. Kyiv, pp. 3-16.

4. Foucault, M., *Nitsshe, Marks, Freyd* [Nietzsche, Marx, Freud], available at: philosophy.ru/library/foucault/nic.html (Accessed 17 January 2015)

Пронякін В. І., доктор філософських наук, професор, професор кафедри філософії Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара (Дніпропетровськ, Україна), E-mail: ulysses1967@gmail.com

До оцінки інтерпретативних перспектив нелінійних дискурсів

Анотація. Проводиться компаративний аналіз конститутивних можливостей, що містяться у інтерпретативних засобах трансцендентальної прагматики та деконструктивізма.

Ключові слова: інтерпретація, неевклідова рефлексивність, нелінійний дискурс, комунікативізм, деконструктивізм.

Pronyakin V. I., doctor of philosophical sciences, full professor, professor of the department of philosophy Oles Honchar Dnipropetrovsk national university (Dnepropetrovsk, Ukraine), E-mail: ulysses1967@gmail.com

To the assessment of interpretive prospects of the nonlinear discourse

Abstract. Contemporary philosophy conceptualized its reflexive artefacts on semiotic field of cultural-ontological bifurcation made by Modern/Postmodern paradigm contradiction, in particular — by post-structuralism (deconstructionism). For authentic understanding of semiotic heterogeneity made by metaphysical «joint» between communicationism and deconstructionism, the adequate reflexive resources are necessary. The latter make possible comprehend polysemic, antinomic, ambivalent substantive artefacts of thought. In recent decades (at the turn of the XXth and XXIst centuries) native philosophers (such as I.V. Bychko, V.G. Tabachkovski and others) actively rejected discourse practices which comprehend semiotic spaces by means of non-Euclidean reflexivity interpretative resources. The constitutive productivity of these resources is especially proved out when they are applied in respect of the research of substantively heterogeneous cultural phenomena to which, without a shred of a doubt, both communicationism and deconstructionism are related to. If one uses the creative potential of the «transcontextual» intercultural discourse, the analysis of semantically multivalued content of such-like phenomena «placed» in «non-Euclidean» reflection sense field is most perspective. It is a comparative analysis of constitutive possibilities contained in the interpretative resources of transcendental pragmatics and deconstructionism that is carrying out in the proposed paper.

Key words: interpretation, non-Euclidean reflexivity, nonlinear discourse, communicationism, deconstructionism.